

«Прощай, мой прекрасный...»

ПОДГОТОВИЛ ФИЛИПП РЕЗНИКОВ

В начале 2022 года ушел из жизни выдающийся театральный педагог, заслуженный артист, заслуженный деятель искусств России Михаил Андреевич Лобанов. Его имя может быть неизвестно широкому зрителю, но имена многих его звездных учеников на слуху у каждого. Достаточно только упомянуть, что почти все нынешние актеры труппы Театра Олега Табакова — его ученики.

Михаил Андреевич преподавал на курсах Олега Табакова в Школе-студии, являясь его правой рукой, а затем в течение пяти лет работал со студентами Московской театральной школы Табакова — до того дня, когда тяжелая болезнь, инсульт, не поставила крест на его карьере педагога.

Михаил Андреевич Лобанов родился в Москве 14 ноября 1945 года. Учился в Школе-студии МХАТ, на курсе народного артиста СССР Павла Массальского. По окончании вуза был приглашен работать во МХАТ, на сцене которого сыграл ряд центральных ролей: Лариосика в «Днях Турбиных», Дамиса в «Тартюфе», Кота в «Синей птице».

С 1980 года начал преподавать мастерство актера в альма-матер, а через некоторое время оставил сцену, предпочтя посвятить себя многотрудной и ответственной работе

педагога. Сосчитать число учеников Михаила Андреевича невероятно сложно — их сотни.

С 1988 года Лобанов сотрудничал с Олегом Табаковым. Вместе они выпустили несколько курсов в Школе-студии МХАТ: в 1990, 1994, 1998 и 2002 годах. Своему коллеге и ближайшему соратнику Табаков посвятил следующие строки в книге «Моя настоящая жизнь» (2013):

С самого начала моей работы в Школе-студии мне очень серьезно и последователь-

Обсуждение студенческого показа. Олег Табаков и Михаил Лобанов

но стал помогать Михаил Андреевич Лобанов. Вместе с ним мы вели курс актерского мастерства. Связка «Лобанов — Табаков» во многом обеспечивала устойчивость, или, я не раз употреблял это определение, психологическую остойчивость, задавала здоровый тон внутришкольным отношениям. В художественных учреждениях весьма нередки случаи, когда двух остановившихся поговорить людей спрашивают: «Вы против кого дружите?» А мы с Лобановым делали общее дело. Таким счастливым образом, найдя друг друга, мы продолжали работать на протяжении всех пятнадцати лет. Четвертый по счету наш с Лобановым курс мы выпустили в 2002 году.

Думаю, что во многом успешность работы профессора М.А. Лобанова связана и с тем, что более интересного, более важного дела в жизни у него нет. В свое время

Лобанов был одним из весьма перспективных актеров Художественного театра, но после раздела МХАТа оказался в театре, руководимом Т.В. Дорониной, довольно скоро ушел оттуда и остался, что называется, не у дел.

Лобанов — человек театральный до «душевного дна». Он целиком и полностью вкладывается в ту работу, которую предлагает ему Школа-студия, являясь своего рода фундаментом, цементирующим наши усилия по воспитанию курса. У Миши нет семьи, и его семьей, его детьми так или иначе становятся студенты. Он опекает их и как насадка, и как заботливый тренер, и просто как старший, заботясь не только об их духовном росте, но и о хлебе насущном.

В 2010 году Михаил Андреевич примкнул к команде педагогов, привлеченной Олегом Павловичем к работе в только что созданной театральной школе (колледже) при Театре Табакова. На кафедре мастерства актера Лобанов стал *primus inter pares* — первым среди равных — и занимался преподаванием азов мастерства на первых и вторых курсах, то есть в тот самый момент, когда набранные подростки пятнадцати-шестнадцати лет делают первые шаги.

Дмитрий Бродецкий,

заслуженный артист РФ,
выпускник Школы-студии МХАТ 1994 года

До прихода в Школу-студию МХАТ я несколько лет активно занимался в Театре юных москвичей — ТЮМе. Первым моим театральным педагогом стала Наталья Васильевна Бортник. Обучение я продолжил на подготовительных курсах, организованных Олегом Табаковым при Школе-студии МХАТ для того, чтобы взглянуть на будущих абитуриентов и оценить их способности. Первыми моими педагогами здесь были Михаил Андреевич Лобанов и Алексей Александрович Селиверстов, а позже к ним подключился и сам Олег Павлович.

Основную, ежедневную и рутинную, если так можно в данном случае выразиться, работу и в на курсах, и уже в самой Школе-студии вел Михаил Андреевич.

Михаил Андреевич был педагогом от бога. Он обладал необычайным умением заражать студентов своей энергией, делиться ею. Студенты перед ним легко и просто раскрывались — ни у кого не возникало серьезных зажимов, никого не «клинило». Он умел расслабить и настроить на нужный лад.

Михаил Андреевич создавал свободную творческую атмосферу, в которой начинающий артист мог максимально раскрыться. Лобанов помогал молодым людям по-

чувствовать свою принадлежность к этой профессии, увидеть свои данные, возможности. Задача театрального института и педагога — развить в студенте его способности, научить ими пользоваться. Научить «быть артистом» невозможно — для этого необходим талант, данный природой. Если же они есть, с ними можно научиться правильно обращаться. В этом и состоит задача театрального обучения. И Михаил Андреевич как раз и был столпом правильного процесса обучения, принадлежа всецело мхатовской реалистической школе.

В школе Михаил Андреевич проработал до декабря 2015 года, когда внезапная болезнь нарушила всего его планы и помешала дальнейшему занятию любимым ремеслом.

13 января 2022 года Михаил Андреевич скончался и был похоронен на московском Пятницком кладбище.

В его распоряжении был широкий спектр упражнений и тренингов, набранный из разных мировых школ: у Станиславского, Михаила Чехова, Брука, Стрелера. Много внимания уделялась играм. Он взял то, что было интересно лично ему и что, по его мнению, правильно влияло на молодых и позволяло им развиваться. У него было собственное видение учебного процесса, свой, лобановский, метод, прошедший проверку многими поколениями его учеников.

Лобановский стиль преподавания — один из лучших. И не случайно Олег Павлович привлекал Михаила Андреевича к работе в своей бостонской театральной школе. В России он тоже работал с иностранными студентами, а кроме того, набирал свой собственный курс, сотрудничал с различными мастерами и везде был незаменим.

Михаил Андреевич создавал свободную творческую атмосферу, в которой начинающий артист мог максимально раскрыться. Лобанов помогал молодым людям по-

В Школе-студии я работал с разными педагогами, но такого спокойствия, как на занятиях у Михаила Андреевича, не было ни у кого. Процесс обучения был радостен, особенно на первых порах обучения. От Лобанова веяло светом и теплотой. Он был очень открытым человеком с хорошим чувством юмора. С занятий по вечерам не хотелось уходить. Сидели до последнего поезда, засиживалась допоздна, иногда сдвигали стулья и спали на них в аудитории, не успев на последний транспорт.

Олег Павлович говорил, что театр — дело веселенькое, и заниматься им надо радостно. Михаил Андреевич в полной мере воплощал этот завет в педагогике и заражал нас этим прекрасным чувством!

Виталий Егоров,

заслуженный артист РФ,
выпускник Школы-студии МХАТ 1994 года

Когда я учился в Школе-студии, меня не оставляло ощущение, что Михаил Андреевич ведает про нас все. Наблюдая за ним, я удивлялся его пониманию того, как к кому подойти. Он точно знал, где находится струна, при прикосновении к которой студент мог добиться нужного результата. И узнал он нас, мне кажется, довольно быстро — словно просканировал взглядом. Он прекрасно понимал, что нужно лично мне, о чем я думаю. Мы работали с ним над дипломным спектаклем «Поздняя любовь» по Островскому. Я был Николаем, Камий Кайоль — Людмилой, Лена Нестерова — мамой. Я с восторгом вспоминаю те дни.

Михаил Андреевич водил нас по Замоскворечью Островского: рассказывал про все старинные дома, про церкви, переулки. Казалось, он ровесник Москвы. Иначе трудно было объяснить, откуда он все так хорошо про нее знает: кто где жил, из каких рук в какие перешло то или иное здание.

У Михаила Андреевича никогда не было поучительного тона, он не говорил: «Надо вот так и так». Он очень легко и тонко растолковывал все нюансы. Объясняя характер или поступки персонажа, он совершенно гениально говорил: «А вот он такой». И ты понимал: а ведь и правда, он такой! — и продолжал разбираться в персонаже, придумывать. Я получал от него внутренний посыл — мол, никто другой этого не сыграет. Михаил Андреевич все так обставлял, что я был почти уверен, что я сам все сделал. Только сейчас ясно понимаю, что в этом заключался его метод.

Михаил Андреевич был нежный, чуткий, тонкий и ранимый человек. Онлучился добром. Конечно, он бывал, если нужно, строгим и жестким, но, кажется, это давалось ему с большим трудом.

Незадолго до окончания учебы я узнал поразительную вещь. Оказалось, что голос одного из пионеров в радиопрограмме «Пионерская зорька», которую я слушал по утрам в детстве, принадлежал именно Михаилу Андреевичу. Он был одним из тех, кто ежедневно приветствовал ребят по всему Советскому Союзу!

После того как мы окончили Школу-студию, он приходил на большую часть наших спектаклей. Бывало, за кулисами кто-то вдруг сообщал: «Кажется, Михаил Андреевич в зале!» Его заразительный смех был хорошо узнаваем. На некоторые спектакли он приходил по несколько раз. Хвалил нас. Не делал замечаний, но что-то комментировал, предлагал. Примешь ты или нет — дело твое. Но сказанное западало в душу, заставляло подумать.

Одно время он звал меня преподавать в Школу-студию. Но я отказывался: «Какой я педагог? Во МХАТе преподают такие мэтры! Да вы что!» Только когда открылась Школа Табакова, я позволил себе попробовать.

Когда мы вместе стали работать в ней, я нередко по вечерам подвозил его домой.

Педагоги и студенты Школы-студии МХАТ, 1992.
За столом сидят Михаил Лобанов, Олег Табаков и Александр Марин

Мне всегда хотелось, чтобы мы попали в пробку, чтобы поездка затянулась. Он так увлекательно рассказывал обо всем, делился такими воспоминаниями и размышлениями, что мне становилось хорошо, тепло и уютно рядом с ним.

Алексей Усольцев,

выпускник Школы-студии МХАТ 1998 года

Мне повезло дважды. Во-первых, я учился на курсе Олега Табакова. Во-вторых, педагогом на нем был Михаил Андреевич Лобанов.

Михаил Андреевич был основным мастером курса. Постоянно, ежедневно, насколь-

ко я знаю, он созванивался с Олегом Павловичем и держал его в курсе событий и нашего развития. Когда Олег Павлович приходил на наши показы и экзамены, он имел представление обо всем, что происходит. Табаков вообще прекрасно выстраивал для себя перспективу развития того или иного студента, зная, что и как следует подправить. Михаил же Андреевич взял на себя каждодневную работу с нами — начиная с нашего поступления в Школу-студию.

Он был потрясающий, грандиозный профессионал. Он открыл для нас массу упражнений и тренингов, в том числе «машинку», рассказывал о методе Михаила Чехова. Все, что мы сейчас продолжаем использовать, работая в Школе Олега Табакова, мы

узнали от него. Откуда, из каких рудников Михаил Андреевич черпал свои знания, я даже представить не могу. Он давал студентам базу, основу основ. То, без чего артист не может обойтись, от чего он отталкивается в самом начале пути.

В то время считалось, что Лобанов для первого курса — лучший педагог в Москве. Для старших курсов, для работы над отрывками и спектаклями лучшей считалась Алла Борисовна Покровская. Она поставила на нашем курсе «В баре токийского отеля». Все остальные дипломные работы подготовил Михаил Андреевич.

На первом курсе, а шел 1994 год — дикие, голодные времена, он нас подкармливал. Общежитские, к числу которых относился и я, за две недели сентября сожрали все привезенные с собой домашние запасы. Стипендия была копеечной, на нее не прожить. Михаил Андреевич каким-то образом прознал про нашу ситуацию, рассказал о ней Олегу Павловичу, а тот выделил деньги. С какого-то момента я стал ездить вместе с Михаилом Андреевичем на оптовые рынки — других просто не было. Все продавалось сразу блоками, большими пачками и упаковками. Мы закупали картошку, макароны, какие-то консервы и привозили в общагу.

Мы сблизились с ним к середине третьего курса, когда репетировали «Разговор на большой дороге». У меня категорически ничего не получалось. Однажды после репетиции Михаил Андреевич меня оставил, и мы очень хорошо поговорили. Он копнул внутрь меня, потому что я долго бился и бился без всякого результата. Это стало каким-то болезненным нарывом, мешавшим мне жить. Михаил Андреевич ловко его вскрыл. Я тогда уревелся... С этого момента я Михаила Андреевича очень полюбил. С ним я прошел момент взросления, прорыва, осознания. Михаил Андреевич выступил в роли опытного и понимающего психотерапевта. Думаю, что все, с кем он работал, прошли через нечто подобное.

Помню многие его шутки и прибаутки, увлекательные рассказы про закулисные дела. Он приучил нас к тому «птичьему» языку, который знаком всем его ученикам. А их у него очень много. Скажешь кому-то из них одну из его фраз — и человек сразу отзывается.

Он дал мне прозвище «Уся». Его подхватили все однокурсники. На первом курсе ко мне приезжала моя девушка, Маша. А Михаил Андреевич называл ее Мусей и говорил мне: «Усина Муса приехала! Беги, мальчик, беги к Мусе!» Он был в курсе всей нашей жизни, знал много о нас. Его глаза были смесью телескопа с микроскопом — он видел нас насквозь, даже самых-самых скрытных и хитрых. Их загадочность раскусывалась им на раз — за счет опыта, актерского и педагогического, за счет невероятной проницательности.

Алена Лаптева,

выпускница Школы-студии МХАТ 2002 года

Михаилу Андреевичу Лобанову я безмерно благодарна за то, что он дал мне в руки две профессии: актрисы и театрального педагога. Чтобы выразить эту благодарность, я, наверное, не сумею подобрать слов. Настолько она огромна.

Не стану скрывать того, что, когда я училась в Школе-студии МХАТ и была студенткой курса Олега Табакова, Михаил Андреевич очень хорошо ко мне относился. Я была занята практически во всех дипломных спектаклях, которые он ставил, и мы не раз делали с ним отрывки.

В силу того, что я человек неугомонный, мне, как и некоторым другим актерам нашего театра, захотелось работать в только что открывшейся Школе Олега Табакова — захотелось научиться чему-то еще. Я подошла к Михаилу Андреевичу и сказала о своем желании. Он тут же отвел меня к Олегу

Фото из архива Школы-студии МХАТ

Выпуск Школы-студии МХАТ 2002 года. Михаил Лобанов стоит справа (в белой рубашке)

Павловичу: «Она хочет этим заниматься». Табаков дал добро. Так все и началось.

Три с половиной года я сидела рядом с Михаилом Андреевичем и, что называется, из рук в руки перенимала профессию театрального педагога. Я убеждена, что ее можно освоить только так — находясь рядом с тем, кто преподает, наблюдая за всем, что он делает. Прочитать об этом в книгах просто невозможно.

Когда Михаил Андреевич заболел и не смог продолжать занятия со студентами, я осталась одна и чуть не сошла с ума. Только тогда я поняла, что вся ответственность лежала исключительно на нем, и мера этой ответственности была велика. До того момента я полагала, что ответственность лежала и на мне, но это оказалось заблуждением.

Все, чем мы сейчас занимаемся со студентами школы, делал с предыдущими поколениями молодых артистов и Михаил Андре-

евич. Я передаю те знания, которые он подарил мне. Чем больше людей их обретают, тем лучше.

Михаил Андреевич всегда старался быть веселым и оптимистичным. Увидеть его каким-то другим было большой редкостью. Если что-то шло не так, он проявлял колоссальное терпение. Говорил: «Ничего-ничего, ничего-ничего...» Его терпению можно было бы поучиться.

Артур Касимов,

выпускник Школы Олега Табакова 2014 года

Как-то раз (я уже около года работал в театре) мы сидели с Аленой Владимировной Лаптевой в «Табакерке» и она вдруг предложила: «А пойдем со мной в школу! Поможешь мне». Она начинала делать дипломный спектакль со студентами. И я согласился.

Стоило мне переступить порог Школы Олега Табакова, которую я сам недавно окончил, Алена Владимировна предупредила: «Михаил Андреевич поставил одно условие твоего присутствия здесь — ты должен ходить на занятия по мастерству первого курса и пройти этот путь от начала до конца уже с другой стороны, не как студент». Мне предстояло наблюдать за развитием студентов и за тем, как работает с первокурсниками Михаил Андреевич.

Был октябрь или ноябрь. Учеба уже давно началась. Я пришел, посидел, посмотрел. И тут, в самом конце занятия, Михаил Андреевич оборачивается ко мне и говорит: «Следующий урок ведешь ты». Он не ставил передо мной никаких задач, просто предложил самостоятельно продумать программу занятия и с ней выйти к студентам. «Делай что помнишь, — сказал он, — те упражнения, которые тебе нравились, то, что тебе кажется интересным». Вот именно в этом и был весь Михаил Андреевич — он предоставлял абсолютную свободу для творчества и прерывал твоё движение только тогда, когда ты оступался или начинал идти не в ту сторону.

Он любил, когда на сцену выходили свободные люди.

Не буду врать: как прошел мой первый урок, что Михаил Андреевич по поводу него мне сказал, я уже не помню. Но через две недели мне поручили вести экзамен по мастерству у первого курса. Мне предстояло проводить тренинг.

Мы начали готовить экзамен: Михаил Андреевич не пришел в первый раз, не пришел во второй, а когда, наконец, появился, очень плохо себя чувствовал. Я его ободрил: сказал, что он, видимо, подцепил что-то сезонное, нужно отдохнуть, попить лекарства. Вскоре нас потрясло известие, что у Михаила Андреевича инсульт...

Алена Владимировна, которая до этого момента ему ассистировала, взяла на себя сложнейшую задачу — работу с совсем мо-

лодыми ребятами, детьми. Я остался рядом и перенимал у нее те знания, которые успел передать ей Михаил Андреевич.

А познакомились мы с Михаилом Андреевичем в 2010 году, когда я только поступил в Школу Табакова. Он стал моим первым мастером, первым наставником в профессии.

Он очень деликатно прививал нам любовь к театру, к нашему ремеслу. В том возрасте, конечно, мы мало в чем отдавали себе отчет. Михаил Андреевич постепенно и последовательно открывал для нас удивительный мир. Он учил нас видеть все, что происходит вокруг. Он учил видеть красивое и некрасивое, прекрасное и ужасное, доброе и злое. Он был убежден, что никого ни под каким предлогом нельзя заставлять что-то любить. Выбор должен быть свободным. Но он был убежден, что молодым людям необходимо рассказать о том разнообразии, которое есть в искусстве и литературе, в самой жизни, и максимально расширить кругозор студента — будущего актера.

Михаил Андреевич водил нас по Москве. Это были не экскурсии. Это была словно прогулка со взрослым другом. Он показывал нам пушкинскую Москву, открывал Москву Александра Островского.

Он был очень начитанным и знающим человеком. Мог совершенно неожиданно во время занятий начать цитировать стихи или прозу — и всегда это попадало в момент, было уместно. Слушать его всегда было интересно.

Михаил Андреевич любил свежесть во всем: как в мыслях и идеях, так и в быту. Поднимаясь по школьной лестнице, он нараспашку открывал окна, чтобы проветрить всё с первого по шестой этаж. Поднимался и пел песни. Мог спеть что-нибудь из оперы.

Он был уникален и легко находил подход к любому. Он был проникательным человеком и очень быстро раскусывал характер каждого студента, мог многое о нем поведать. Рассказывая нам о нас самих, он, на-

верное, помогал нам поскорее раскрыться, понять собственную природу. Михаил Андреевич помогал нам словом или действием узнать себя. И когда это происходило, ты задавался вопросом: «Это что, правда так?..»

Анастасия Богатырева,

выпускница Школы Олега Табакова 2016 года

Михаил Андреевич был как добрый волшебник, как Дамблдор из «Гарри Поттера». Он производил впечатление светлого чародея, всех очень сильно любил — всех-всех студентов. Он был солнечный, оптимистичный, и от него исходила мощная светлая энергия.

От Михаила Андреевича всегда пахло «Стрепсилсом». Он обожал эти леденцы и рассасывал их даже тогда, когда у него не болело горло. Он пил их вместе с чаем, все время ими со всеми делился.

Из своего поступления в Школу Олега Табакова я уже толком ничего не помню, но мне навсегда запомнились глаза Михаила Андреевича. Был второй или третий тур. Я не очень хорошо прочитала программу и понимала, что комиссию нужно чем-то брать. Мне уже предложили садиться на свое место, опустили глаза в бумаги, а я думаю: «Надо спеть». Петь я не умею, но комиссии сказала, что умею. И во всю глотку, мимо нот заорала «Катюшу». Михаил Андреевич первым поднял на меня испуганные глаза. Он смотрит на меня, я — на него...

Михаил Андреевич был не из тех людей, кто злится, ругается и повышает на студентов голос из-за их неудач, ошибок или проступков. Он мог расстроиться и уйти из аудитории или зала, и это было хуже всего. Но расстраивался он скорее не из-за того, что мы что-то делали плохо, ведь это было моментом обучения, — мы имели право на ошибку. Любой провал он мог перевести в шутку, и нередко от него можно было услышать присказку: «Наше дело телячье: обоср...лся —

Фото из архива ТШТ

обтекай». И ты понимал, что это крах, что пора провалиться под землю. Расстраивался и обижался он только тогда, когда мы ничего не приносили, когда оставались пассивными и не показывали стремления работать.

По своему обыкновению, он давал нам прозвища. Я была «Бомбылёва». От фамилии Бобылева и слова «бомба». Я понимала: он называет меня так, наверное, потому, что я большая и яркая девочка, но сначала это было слегка обидно. Но называл он нас всех разными прозвищами от любви. Все мы были «Эдиками» и «Мусями» — так он величал любых влюбленных. Чуть кто-то в кого-то влюбится, а это сразу становится видно, Михаил Андреевич это подмечает и спрашивает: «Что, Муся, Эдик появился?» — а ты сидишь пунцовый от неловкости и смущения.

Алексей Князев,

выпускник Школы Олега Табакова 2016 года

Так вышло, что, учась в Школе Олега Табакова, все свои педагогические отрывки я делал с Михаилом Андреевичем Лобановым. Тогда, по правде говоря, я не очень это ценил. Более того — даже злился. Мне хотелось попасть к Михаилу Хомякову, к кому-то другому из мастеров.

Работать с Михаилом Андреевичем было необычно. Он никогда не давал прямого ответа на твой вопрос. Я что-то спрашиваю, а он отвечает пространно, отвлеченно, словно провоцируя меня на самостоятельный поиск. Ценность этого его метода я осознал намного позже.

На репетициях я буквально плакал, доходил чуть ли не до истерики, потому что не понимал, что мне делать. Я раздражался от того, что мне ничего не объясняют. Однако в итоге цель, которую ставил Михаил Андреевич, была достигнута. Ему удалось привить мне умение заниматься самопровоцированием и самостоятельным, вдумчивым поиском ответов. Сейчас, когда у меня есть подопечный среди нынешних третьекурсников, я пытаюсь следовать примеру Михаила Андреевича. И это работает — получается намного действенной того, как если бы я сразу все объяснил.

С Михаилом Андреевичем мы работали три года подряд: над чеховской «Анюткой», потом над пьесой «На бойком месте» — сначала был отрывок, а потом стали делать спектакль. В силу болезни Михаил Андреевич работу над ним прекратил, и доделывал все Виталий Михайлович Егоров.

Михаил Андреевич очень трепетно относился к нашему спектаклю «Рубашка в клеточку» по поэзии Бориса Рыжего. Мы делали эту работу сами, но на каком-то этапе он, загоревшись, подключился и помог нам ее завершить. В итоге, я считаю, это был лучший спектакль на нашем курсе.

Михаила Андреевича отличало умение все, в том числе самого себя, держать под контролем, никогда не выходить из себя — что бы ни случилось — и верить в то, что все обязательно получится. Мне кажется, когда между педагогами случались разногласия, он был тем, кто аккуратно сглаживал все острые углы и примирал стороны. Все прислушивались к нему.

Складывалось ощущение, что он знал все. Он делился множеством историй. Когда мы репетировали «На бойком месте», Михаил Андреевич неустанно рассказывал нам об Островском, о времени, в котором тот жил. Случалось так: мы сидим на сцене в костюмах и слушаем, что он нам говорит. Его эрудированность во всем поражала меня.

Я очень благодарен за все, что Михаил Андреевич сделал для меня. Когда он заболел, я несколько раз навещал его. Конечно, болезнь наложила на него свой тяжелый отпечаток, но все равно возникали моменты, когда я видел прежнего — улыбчивого и светлого — Михаила Андреевича. Однажды он внезапно произнес: «Пароход белый, беленький...» Я не знал этих слов и спросил: «Что это?» И тогда он без запинки прочел целый куплет. Я тут же нашел песню и включил ему. Лицо его засияло. Это был очень трогательный и пронзительный момент.

Владислав Наумов,

выпускник Школы Олега Табакова 2014 года

Михаил Андреевич очень любил давать своим студентам клички и прозвища. Достаточно было иметь какую-нибудь особенную привычку или особенность во внешности, чтобы его фантазия выдавала что-нибудь оригинальное. Например, я был «Жопой толстой». История появления прозвища не очень смешная, но сейчас я вспоминаю ее с улыбкой, а мой однокурсник, Макс Сачков, до сих пор не может сдержать слез, пересказывая ее.

Шло занятие по мастерству актера. Первый курс. У меня этюд с Дашей Кулидой: мы ссоримся. Я собираю вещи, складываю их в чемодан, а она пытается мне помешать. В общем, какая-то семейная драма.

У Михаила Андреевича было свойство: во время урока, идущего этюда он параллельно вслух комментировал происходящее. «Ты видишь, что он делает? — обращался он к сидящим в зале. — Нет, ну ты посмотри!» Это было своего рода провокацией, направленной на того, кто находился на сцене. Он усложнял задачу.

И вот идет наш бессловесный этюд, а Михаил Андреевич комментирует. Он говорит, а мы еще больше заводимся. Он кричит мне: «Уходи, уходи от нее!» И тут же ей: «А ты беги, догоняй его, кричи: "Я люблю тебя, жопа толстая!..»

Алину Кушим он называл Малиной Кувшин. Никита Карпинский, который постоянно показывал этюды, связанные с грустью и печалью, стал у него Кислой капустой. «Опять Карпинский свою кислую капусту на сцену принес!» Про Пашу Шевандо говорил: «Как у нашей Шеванды много всякой ерунды...»

Как-то раз, на третьем курсе, мы столкнулись у дверей лифта. Михаил Андреевич, как обычно, был улыбчив, с чашечкой чая в руках. Видимо, спускался из учительской. Увидев меня, он воскликнул: «О, little boy! Ты что тут делаешь?» Вышел из лифта и стал напевать: «Литтл бой, литтл бой...»

Всерьез на него никто никогда не обижался. Он был один такой. Михаил Андреевич настолько располагал к себе, что эта «жопа толстая» казалась чем-то несущественным и необидным, разве что чуть-чуть поначалу.

Михаил Андреевич был самым лучезарным и светлым человеком из всех, кого я встречал. Что важнее, он являлся образцом правильного театрального педагога. Он всегда оставался собранным, всегда чувствовал свою ответственность за все, что он делает и говорит. Когда бы и где бы ты его ни встре-

тил, казалось, что он находится в этом «ответственном» режиме постоянно — и было неясно, существует ли кнопка, отключающая его. Своим примером он показывал, какими должны становиться и мы.

На занятиях ему удавалось создать иллюзию того, что мы переносимся в какие-то другие места — в те, которые в то мгновение требовались. Михаил Андреевич как-то легко и просто отправлял нас в подобные путешествия.

Иногда он мог вместо проведения занятия по мастерству начать что-то увлеченно рассказывать. Два часа пролетали как пара секунд — мы слушали его, затаив дыхание. Настолько яркими и живыми были его истории. Они тоже являлись частью образовательного процесса — в не меньшей мере, чем этюды и все прочее.

Мне навсегда запомнились слова, произнесенные им на нашем выпускном вечере. Он был максимально краток и прочитал шестистишие Пушкина, адресованное Вяземскому:

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

Я слышал его и раньше, но теперь, когда Михаил Андреевич прочел его в такой важный момент, воспринял иначе. Сейчас, думая об этих строчках, я знаю, что они были выбраны не случайно — в силу своей ясности, лаконичности и доходчивости. Михаил Андреевич и сам был таким, как эти строки.